

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

О так называемой идентичности нынешних государств Прибалтики

Чернолецкий В.Б.*

Прибалтика в составе СССР представляла собой своего рода тихую гавань в бушующем море пятилеток и семилеток. Именно здесь вполне могло казаться естественным, что у первого секретаря ЦК Эстонской компартии родители на постоянной основе проживают в Англии¹. В 1978 г. конституционная система Прибалтийских советских республик получила свое качественно новое закрепление – здесь вслед за остальными республиками Союза были приняты новые конституции, базой которых служила общесоюзная конституция 1977 г. История отпускала Союзу Советских Социалистических Республик всего 13 лет.

Деградация советской власти к началу 80-х годов приняла осязаемые черты, проявившиеся в неспособности руководства страны действовать согласно велениям времени. Геронтократия порождала нестабильность власти и политической системы. Приход к власти Горбачева очень скоро показал, что дегенерация советской партийной элиты – вещь явно не случайная². Закономерный итог неумелых попыток реформирования сначала экономики страны, потом, после провала экономических начинаний, политической системы не заставил себя ждать. Начался неуправляемый процесс национально-государственного сепара-

---

* Чернолецкий Владимир Борисович – заместитель начальника отдела научного планирования Управления научной политики МГИМО (У) МИД России.

¹ См. весьма интересную статью: Симонян Р.Х. Страны Балтии в годы горбачевской перестройки // Новая и Новейшая история. 2003. № 2. С. 44-65.

² Курьянов В.Н. Страны Балтии: становление национальной государственности в системе международных отношений. Автореф. дис. ... д.п.н. М., 1999. С. 10.

ратизма в республиках Союза.

В Прибалтийских республиках немаловажным фактором культивирования сепаратизма и национализма оказалась эмигрантская среда³. Факт, с неохотой признаваемый современной политической элитой этих независимых государств⁴. Однако, если мы посмотрим на идеологию эмигрантов и тезисы, воплощенные в программных положениях так называемых народных движений за перестройку – Народных фронтов Эстонии и Латвии и Саюдиса в Литве, мы обнаружим практическую программу будущих действий по выводу республик из состава СССР⁵.

Считается, что требования прибалтов возможно было удовлетворить, одновременно сохраняя Союз. Считается, что если бы Горбачев был чуточку проворнее, быстрее реагировал на изменяющуюся обстановку, то самое страшное, что грозило 1/6 части суши, – это обновление. Исключительно голословное утверждение! Изначально курс прибалтов был взят на выход из состава СССР. Есть очень ценное признание одного латышского националиста: «Теоретически у латышей была возможность, – разглагольствует Андрейс Пантелеев, лидер партии «Латвияс Целш», – честно бороться за свою независимость с оружием в руках. И это привело бы к кровавым столкновениям. Гораздо разумнее выглядел другой путь – попытаться легальными средствами проникнуть в существовавшие в то время структуры власти, а для этого были необходимы голоса – ведь тогда голосовали

³ Уусталь А.Т. Несостоятельность «теорий» лидеров эстонских эмигрантов о существовании в настоящее время буржуазного эстонского государства // Буржуазная правовая идеология в Прибалтике в период буржуазной диктатуры и ее рецидивы в среде современной эмиграции / Отв. ред. В.О. Миллер. Рига, 1984. С. 18 и сл.

⁴ По сути, сигнал к националистической пропаганде был подан через престоловутые НПО. Именно через них было организовано известное «Балтийское кольцо» в августе 1989 г., участники которого напрямую связывали факт вхождения республик в состав СССР с пактом Молотова-Риббентропа. См.: Lauristen M., Vilhelemm P. Recent historical developments in Estonia. Three stages of transition // Return to the Western world. Cultural and political perspectives on the Estonian post-communist transition / Ed. M. Lauristen, P. Vilhelemm. Tartu, 1997. P. 85. Cp.: Trapans J.A. The sources of Latvia's popular movements // Towards independence. The Baltic popular movements / Ed. J.A. Trapans. Boulder, 1991. P. 25 и сл.; Vizulis I. The Molotov-Ribbentrop pact of 1939. The Baltic case. NY, 1990. P. 114.

⁵ См.: Программа Народного фронта Латвии. Устав Народного фронта Латвии. Рига, 1988. С. 10, 5 и 9 соответственно. Общая программа Народного фронта Эстонии // Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. Таллин, 1989. С. 173-174 и 176-177 соответственно. Программа Саюдиса // Червоная С.М. Гражданские движения в Литве. Т. 1. Молодой Саюдис. М., 1993. С. 168 и 172 соответственно.

все жители Латвии. И мы сознательно говорили, что наша цель – так называемый нулевой вариант. Да, это была сознательная ложь, которая помогла избежать человеческих жертв»⁶. Вот такой гуманизм по-латышски.

Такили иначе, только после августовских событий 1991 г. государственная независимость трех Прибалтийских республик стала реальностью. Во время самих событий на это отважилась ничем не рискующая Исландия – 20 августа 1991 г., Литву в качестве независимого государства исландцы постарались признать еще в марте 1990 г. Сам СССР в лице своего Государственного Совета признал независимость прибалтов только 6 сентября. Зачем? Ситуация была явно неординарной, никаких предварительных переговоров проведено не было, никаких гарантий от прибалтов не затребовано. Налицо было нарушение норм международного права, предусматривающих проведение переговоров и урегулирование всех вопросов в случае отделения от государства мирным способом, а не военным части его территории. Не задействованы были нормы международного правопреемства, внутреннее законодательство СССР – закон о выходе республики из состава Союза не был задействован. Более того, действия самого Госсовета СССР, по признанию Прибалтийских государств, противоречили союзному законодательству. Во всяком случае, до признания ему необходимо было хотя бы отменить закон о выходе республик из состава СССР, вступивший в действие еще в апреле 1990 г. Государственный статус трех республик, по сути, основывался только на международном признании, не имеющем, как известно, конституирующей силы. Фактически вплоть до сего дня отсутствует легитимное, правовое основание независимости и государственности Литвы, Латвии и Эстонии.

Предчувствуя это, публицистика, в том числе и юридическая, названных стран еще со времен перестройки начала усиленно разрабатывать миф о реституционном характере национальной государственности. К юридическому анализу этой мифологии мы сейчас и переходим.

⁶ Цит. по: Гушин. Этнократия: латвийский вариант. Рига, 2004. С. 6-7. Теперь понятно, что лежало в действительности в основе этих «поющих революций». Биркенбах Х.М. Расследование фактов как средство превентивной дипломатии. Взгляд международных организаций на конфликт по поводу гражданства в Эстонии и Латвии. М.: 1998. С. 38. См.: Clemens W.C. Baltic Independence and Russian Empire. L., 1991, восьмая глава которого так и озаглавлена «Nonviolent liberation: singing revolutions». Р. 110 и сл. Теперь становится понятной цепь странных революций: сначала поющая, затем бархатная, затем оранжевая, затем революция роз, что дальше?

В разгар перестройки прибалты старались выступать с подчеркнутыми строгими юридическими позициями, старательно культивировали миф о своей приверженности праву и процедуре, что выглядело на фоне общего советского бескультурья вполне по-цивилизованному. Поэтому процесс их выхода из СССР со стороны выглядел во многом как соответствующий праву, а действия Центра преподносились чуть ли не как дикий произвол. Однако на самом деле меры руководства балтийских республик не во всем отвечали, как мы уже знаем, не то что союзному законодательству, но международному праву. Последнее со временем превратилось в своего рода фетиш, которому поклонялись лидеры Саюдиса и Народных фронтов Латвии и Эстонии. Поэтому вполне оправданным может показаться наше обращение именно в сторону аргументов международно-правового характера.

Итак, первый правовой аргумент, к которому эти «вожди» прибегли, был заимствован явно из эмигрантских кругов. Он заключался в следующем: в 1940 г. самостоятельные государства Литвы, Латвии и Эстонии не исчезли, они продолжили свое существование вне зависимости от факта вхождения этих стран в СССР в качестве союзных республик. Так, Декларация о полномочиях депутатов Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта 1990 г. гласила: «Использование навязанных Литве структур чужого государства не должно интерпретироваться как признание суверенитета этого государства в отношении литовского народа, его территории или как признание совершенной этим государством аннексии. В ходе выборов в Верховный Совет Литовской ССР, состоявшихся 24 февраля 1990 г., в результате волеизъявления жителей Литвы, пользующихся избирательным правом, избранными депутатами Верховного Совета был получен мандат народа и наказ восстановить Литовское государство и выражать суверенную волю народа (*suprema potestas*) через данный Верховный Совет, который будет именоваться с 18.00 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы». Тогда же принимается акт уже Верховного Совета Литвы о восстановлении независимости: «Акт Литовского совета о независимости от 16 февраля 1918 года и Резолюция Учредительного Сейма от 15 мая 1920 года о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы и являются конституционной основой Литовского государства». Тут же принимается закон о временном основном законе Литовской республики.

Тут, правда, вышел казус: поскольку это была конституция фашистского государства, то вынуждены были признать недействительными 2/3 документа.

Но интереснее другой акт – Закон о восстановлении действия конституции Литвы. Пункт первый названного акта объявлял прекращенным действие Конституции Литовской ССР 1978 г., а пункт второй – Конституции СССР и Основ законодательства Союза ССР. Фактически это было прямое признание действительности советского права на время «пятидесятилетней оккупации страны», как выражались тогда лидеры Саюдиса. Далее, несмотря на терминологию «восстановление», «возрождение» и пр., базой является утверждение о якобы не прекращавшем свое действие акте о независимости 1918 г.

Другой аргумент – *vox populi*. Но перед жителями не ставился вопрос о выходе из СССР, хотя и избирали депутатов под сепаратистскими лозунгами, – налицо смешение выборов и референдума как институциональных механизмов, что юридически весьма шаткое основание. Возможность же узнать действительное мнение народа националистами была упущена, участвовать в Союзном референдуме 17 марта 1991 г. Литва, как и другие Прибалтийские страны, отказалась. Налицо явная юридическая безграмотность. Во всяком случае, сила решений марта 1990 г. ничем не уступает силе решений лета 1940 г.

Противоречит позиции «восстановления» и решение о правопреемстве в отношении государственных предприятий союзного подчинения, принятое 13 марта 1990 г.: «Установить, что все государственные предприятия, учреждения и организации союзного и союзно-республиканского подчинения, находящиеся на день принятия настоящего постановления на территории Литвы, переходят в юрисдикцию Литовской республики». При образовании нового государства, согласно международному праву, собственность государства-предшественника переходит в собственность нового государства *ex lege*, но именно в случае преемства, а не восстановления, т.е. *status quo ante*, форма которого требует отказа от собственности чужого государства. В любом случае необходима постановка вопроса о компенсации, чего опять-таки нет при правопреемстве государств.

Более четко позиция реституционизма, тем не менее, сказалась в положениях актов, принятых Эстонией. Так, в Декларации Верховного Совета Эстонской ССР о суверенитете 16 ноября 1988 г. устанавливалось, что законы Эстонской ССР имеют приоритет над законами

Союза ССР. Но более явно сепаратизм сказался в Постановлении Верховного Совета «О государственном статусе Эстонии» 30 марта 1990 г.: «Верховный Совет признает незаконной государственную власть Союза ССР в Эстонии с момента ее установления и провозглашает начало восстановления Эстонской республики (*restitutio ad integrum*)». И далее, Постановление Верховного Совета о государственной независимости: «Исходя из преемственности Эстонской республики как субъекта международного права... 1. Подтвердить государственную независимость Эстонской республики и добиваться восстановления дипломатических отношений Эстонской республики...».

Подобного рода ситуация была и в Латвии с незначительными поправками. Так, в Декларации о независимости от 4 мая 1990 г. утверждалось буквально следующее: «Таким образом, согласно международному праву инкорпорация Латвии в Советский Союз оказалась недействительной. Соответственно, Латвийская республика продолжает существовать *de iure* в качестве субъекта международного права, признанного в качестве такового более чем пятьюдесятью странами мира». Заметим, что аргумент о количестве стран, признающих независимость Латвии, сделан с учетом ситуации 1940 г.! Далее в Декларации подчеркивалось: «Отношения Литовской республики и СССР впредь строить на основе действующего и поныне мирного договора между Россией и Литвой от 11 августа 1920 г.». Логика просто убийственная из-за отсутствия хоть какого бы то ни было смысла: почему договора именно 1920 г., а не 1721 г.? На основании чего этот договор признается действующим, а другой нет?

Теперь скажем несколько слов о реакции союзного центра на эту псевдоюридическую галиматью. Она, в общем-то, была довольно вялой, сначала постарались ответить на бумажные аргументы прибалтов ссылками на неизбежные трудности гуманитарного, общечеловеческого, так сказать, характера. В Постановлении «В связи с решением Верховного Совета Литовской ССР от 10 марта 1990 г.» внеочередного III Съезда народных депутатов СССР, датированным 15 марта 1990 г., говорилось, что, «обладая конституционным правом на самоопределение, союзная республика не может, как при вхождении в федерацию, так и при выходе из нее, игнорировать возникающие при этом политические, социально-экономические, территориальные, правовые и другие проблемы». Поэтому съезд постановляет: «Подтверждая право каждой союзной республики на свободный выход из СССР

(ст. 72 Конституции СССР), Съезд определяет, что впредь до установления законом порядка и последствий выхода из состава Советского Союза односторонние решения Верховного Совета Литовской ССР, противоречащие ст. 74 и 75 Конституции СССР, являются недействительными». Объявлялись недействительными и акты, принятые Эстонской ССР, о чем говорилось в указе Президента СССР от 14 мая 1990 г. Однако не таких ответов следовало бы ждать, будь центральная власть более последовательна. Акты, принятые Верховными Советами Прибалтийских республик являлись актами государственного переворота, актами лиц, поставивших себя вне закона. Любое государство имеет полное право использования силы в борьбе с сепаратистами, нарушающими его целостность, к этой силе и следовало бы прибегнуть.

Что же лежит в основе всех подобных утверждений? Миф, что Литва, Латвия и Эстония не исчезли в 1940 г., не были инкорпорированы, а продолжили существование в виде неопределенной юридической личности. Очень скоро подобного рода аргументы показали свою несостоятельность. Нельзя, например, утверждать, что они были всецело восприняты западными демократиями⁷, как любят утверждать прибалтийские публицисты, поэтому было предпринято уточнение в период первых драматических лет независимости этих государств. Это уточнение заключалось в том, что теперь правительства этих стран стали говорить об идентичности собственных режимов тем буржуазным государствам, которые существовали на момент их инкорпорации в августе 1940 г. Зримым проявлением нового этапа мифотворчества стала практика Эстонии, Латвии и Литвы, которые отказались правопреемствовать в отношении договоров бывшего СССР и попытались возобновить договоры своих предшественников до 1940 г.⁸. Иными словами, на повестку дня был поставлен

---

⁷ Игнорирование пятидесятилетней реальности оказалось невозможным. См.: Aust A. *Modern treaty law and practice*. Cambridge, 2000. P. 314.

⁸ Bokor-Szegh H. *Questions of the state identity and state succession in Eastern and Central Europe* // *State succession* / M. Mrak. The Hague, 1999. P. 97. Практика пошла по довольно неоднозначному пути. Что касается многосторонних договоров СССР, то прибалты присоединились к ним вполне самостоятельно в соответствии с Конвенцией о праве международных договоров 1969 г., проблему вызвали односторонние договоры, игнорировать которые было нельзя. Как заметил тот же британский юрист-международник А. Ост: «Со способным вызвать восхищение прагматизмом были достигнуты соглашения с соседними государствами о том, что некоторые из этих договоров продолжают

вопрос о континуитете и идентичности этих государств в международном праве.

* * *

Проблема идентичности и континуитета государств в международном праве относится к одной из самых сложных. В доктрине существует несколько концепций, суть которых сводится в основном к определению условий, при которых эта идентичность и этот континуитет сохраняются, являются живым феноменом международного права⁹. Последнее не оговорка, поскольку сами факты, лежащие в основе идентичности, оцениваются исключительно как правовые, следовательно, все проблемы, вызванные неопределенностью ситуации, должны решаться исключительно правовыми средствами. Соответственно определение континуитета и идентичности возможно только при использовании правовых конструкций, применимых к государству. Логически это легко доказуемо. Государство есть субъект высказывания, континуитет и идентичность – его предикаты. Наиболее распространенной, мы бы даже сказали общепризнанной, конструкцией, применимой к государству в международном праве, является конструкция субъекта. О государстве в международном праве говорят как о его субъекте¹⁰. Поэтому вполне допустимо определение континуитета как «непрерывности международной правосубъектности государства»¹¹.

Более распространенное в западной доктрине международного права определение гласит, что идентичность есть «неизменность прав и обязанностей государства»¹², что требует пояснения. Согласно той же Марек, понятия континуитета и идентичности часто смешивают. Сама

оставаться в силе...». Aust A. Op. cit. P. 314. Соответственно, Литва в 1992 г. была вынуждена признать договор о границе с Польшей, Эстония с Финляндией, а в 1997 г. все они, включая Латвию, перезаключили договор 1989 г. о разграничении исключительной экономической зоны в Балтийском море между СССР и Швецией. Bring O. Sverige och folkerätt. Stockholm, 2003. S. 36.

⁹ См.: Kunz J.L. Identity of states under international law // The changing law of Nations. Essays on international law. Ohio, 1968. P. 287. Хотя сам он полагал, что в современном международном праве нормы на этот счет даже уровня *opinio iuris sive necessitates* так и не сложились. Ibidem. – P. 294.

¹⁰ Это общее положение. См.: Crawford J. The creation of states in international law. Oxford, 1979. P. 25 и сл.; Akerhurst M. A modern introduction to international law. L., 1987. P. 56 и сл. См. также общее исследование: Моджорян Л.А. Субъекты международного права. М., 1958.

¹¹ Черниенко С.В., Чигарев В.Н. Континуитет, идентичность и правопреемство государств. М., 1998. С. 5.

¹² Marek K. Identity and continuity of states in international law. Geneva, 1954. P. 5.

К. Марек этого не делает, совершенно логично полагая, что континуитет государства следует понимать как динамический предикат идентичности государства. Идентичность, таким образом, есть статическое понятие, континуитет – его динамический элемент. Субъект права, согласно этому, статичен, государство как феномен права, действительно, статично, а вот его права – то, что составляет содержание его субъектности, – динамичны. Поэтому государство как таковое может претендовать на идентичность при условии идентичности прав и обязательств, составляющих его субъектность – юридическую личность. Континуитет, таким образом, – это темпоральный эффект права¹³.

Совершенно переиначивают ситуацию два отечественных исследователя: «Семантически идентичность (тождество) может означать «тот же» и «такой же». О том же субъекте международного права речь может идти, если имеется его континуитет. Тогда континуитет и идентичность совпадают. Если же континуитет прерван, можно говорить лишь о таком же субъекте международного права, но не о том же самом. Две совершенно одинаковые копии одного и того же документа идентичны друг другу, но это не одна, а две разные копии»¹⁴. Нетрудно заметить, что вся эта игра в диалектику вокруг попыток перевести на русский язык термины латинского происхождения не только нелепа, она просто неверна. Авторы совершают банальную логическую ошибку, произвольно расширяя значение терминов, которыми оперируют. Это так называемая ошибка с нераспределенными терминами силлогизма, *qui pro quo*, говоря точнее. Незаметно для себя они допускают в посылку значение термина «идентичность» в смысле «похожий», что совершенно неверно. Государства, могущие быть похожими, всегда не идентичны. Другое дело, что идентичность вряд ли может пониматься как неизменность прав и обязанностей, у самой Марек масса оговорок по поводу собственного определения. Поэтому определение идентичности нуждается в уточнении.

Если государство – субъект права, то неизменность государства означает неизменность его международной юридической личности, являющейся в международном праве скорее титулом, а не реальным комплексом норм. Титул – это указание на право, это своего рода *legitimatia causa* права на существование в качестве определенного, но сложного единства, состоящего из нескольких элементов. В эпоху гос-

---

¹³ Ibidem.

¹⁴ Черниченко С.В., Чигарев В.Н. Указ. соч. С. 12.

подства монархической формы правления это было почти осязаемо, поскольку титул указывал конкретную личность, являвшуюся суверенным *suo iure*. Эта личность символизировала единство своих подданных и своих земель. В новую эпоху обезличенной государственности персональность государства скорее воплощается в пресловутой юридической корпорации нации, как говорил в свое время А. Эсмен.

Юридическая личность государства – это не более чем слова, но слова, производящие политическую и правовую реальность. Поэтому идентичность государства равна неизменности той связи, которая существует между его элементами. Нет связи вне зависимости от изменчивости самих элементов, нет идентичности. Государство гибнет. Как совершенно верно замечал тот же Дж. Кунц: идентичность – антитезис не правопреемству, а проблеме жизни и смерти государства¹⁵. Вот почему при исчезновении идентичности невозможно воскрешение, возрождение государства, пусть и с похожими элементами. «...В международном праве, – говорит Климентина Марек, – юридическое воскрешение государств невозможно. Раз государство прекратило существование, возобновление его существования невозможно. Скорее возможно воскрешение исторически ранее погибшего государства, но не предшествующего правопорядка. Прежние права бывшего государства могут быть призваны оправдать то, что может оказаться полезным, политически желательным при определенных обстоятельствах, но, тем не менее, они лишены какого-либо юридического значения»¹⁶. Запомним этот вывод, он крайне важен при оценке всей позиции Прибалтийских государств по вопросу собственного возрождения.

Другая проблема вытекающая, следовательно, из идентичности, – это определение условий, при которых распадаются связи элементов государства и идентичность как таковая невозможна. Международное право на уровне обычая (*opinio iuris sive necessitatis*) знает скорее случаи, исключаяющие исчезновение идентичности. Все эти случаи сводимы к изменениям элементов государства, степень изменчивости которых тоже не является критерием, и представляют собой следующую картину: 1) изменения в названии государства и столицы (ее перенесение); 2) незначительные территориальные изменения (незначительность предполагает сохранение исторического ядра государства, хотя и это спорное положение); 3) изменение населения (миграция и

¹⁵ Kunz J.L. Op. cit. P. 288.

¹⁶ Marek K. Op. cit. P. 6.

т.п.); 4) изменение формы правления, государственные перевороты и социальные революции; 5) временная военная оккупация (срок которой установить чрезвычайно сложно)¹⁷. Считается, что только абсолютное, тотальное исчезновение одного из физических элементов государства (территории и населения) ведет к смерти государства, да и то не во всех случаях.

Претензия современных прибалтийских режимов на идентичность с государствами на момент 1940 г. подкрепляется на самом деле всего лишь несколькими аргументами. Первый по остроте своих политических последствий – это утверждение о том, что СССР в 1940 г. нарушил ранее взятые на себя международные обязательства. Эти обязательства фиксировались в мирных договорах с названными республиками 1920 г.¹⁸ и касались гарантий независимости, которые РСФСР им дала. Именно этим объясняется столь непримиримая позиция Латвии и Эстонии на переговорах по делимитации границы. Стремление заставить Россию признать действенность Юрьевских договоров 1920 г. объясняется как территориальными претензиями, так и желанием воспользоваться некоторыми статьями этих актов и получить столь желаемое правовое основание к массовой депортации этнических русских¹⁹. Но самая главная цель – добиться от России признания гарантий, данных в 1920 г. в тяжелых для нее условиях и через возобновление этих гарантий доказать свою идентичность прежним государственным образованиям. Немаловажным был и аспект безопасности, но после вступление прибалтов в НАТО этот фактор утратил остроту.

Удивительно здесь, конечно, не то, что подобного рода требования бессмысленны с точки зрения международного права (давайте потребуем признания действительности Ништадского мирного договора 1721 г., передавшего России Прибалтику), а та наглость, тот расчет на «глупых русских», только и ждущих, когда их в очередной раз обманут²⁰. Хочется, конечно, надеяться, что известный постулат «от мерт-

¹⁷ Bühler K. Succession of states and membership in international organisations. The Hague, 2001. P. 14.

¹⁸ Договоры заключались в городе Юрьеве: с Эстонией 02.02.1920, с Литвой 12.07.1920, с Латвией 11.08.1920 – и часто в литературе именуются «Юрьевскими». Аргументация прибалтов представлена, например, К. Таубе. Taube C. Constitutionalism in Estonia, Latvia and Lithuania. A study in comparative law. Uppsala, 2001. P. 34, 38. Традиция ссылаться на эти договоры достаточно стара: Marek K. Op. cit. P. 380, 371.

¹⁹ Биркенбах Х.-М. Указ. соч. С. 35.

вого осла уши» обретет незыблемые правовые формы. Во всяком случае, положение *clausula rebus sic stantibus* вполне применимо к основанию ничтожности Юрьевских договоренностей.

Другой аргумент, которым пытаются защищать мнимую идентичность нынешних государств, заключается в утверждении доктрины военной оккупации, а затем и незаконной аннексии Советским Союзом лимитрофов в 1940 г. Смысл этой доктрины очень прост: современное международное право гарантирует сохранность международной личности государства при наступлении подобных последствий. Однако эти последствия запрещает именно современное международное право, 60 лет назад ситуация была несколько иной. Это известный в международном праве принцип интемпорального права, суть которого сводится к постулированию необходимости рассматривать факт с точки зрения права момента создания факта, а не момента возникновения спора по поводу факта.

Тем не менее и здесь чувство меры изменяет прибалтийским публицистам. Так, некий Л. Мялксоо (о себе он сообщает: «эстонец, написавший в Германии докторскую диссертацию на английском языке») признает на словах данный принцип. Правда, при этом почему-то называет его «интертемпоральным», хотя правильнее «интемпоральным» от лат. *intemporalis* – «вневременной», «вечный»²¹. Признавая его, он, тем не менее, утверждает: «Поскольку Советский Союз был исключен из Лиги Наций в декабре 1939 г., то Устав Лиги Наций, в особенности его ст. 10, более не был обязательным для Советского правительства. «Тем не менее, ст. 10 Устава Лиги Наций все еще была обязательной для Советского Союза, когда последний заключил пакт Гитлера

---

²⁰ Так, Э. Маттисен действенность Юрьевского договора для Эстонии и России основывает на актах Верховного Совета Эстонской ССР с марта 1990 г. по сентябрь 1991 г. Mattisen E. Searching for a dignified compromise the Estonian-Russian border 1000 years. Tallin, 1996. P. 91. Логика нельзя не назвать удивительной: сами же напринимали акты, и потом на них же и ссылаемся. К сожалению, подобного рода логика заразительна. Так, некий Тимченко, позиционирующий себя как юриста, утверждает: «... Эстония может настаивать на существовании такой проблемы [граница по Юрьевскому договору – В. Ч.] как предмета переговоров с Россией, а Россия в свою очередь не должна уклоняться от ведения таких переговоров с целью заключения справедливого соглашения». Тимченко Л.Д. Правопреемство государств: опыт конца XX века. Харьков, 1999. С. 39.

²¹ Мялксоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940-1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Тарту, 2005. С. 115-116.

– Сталина вместе с секретными протоколами. Таким образом, секретные протоколы к пакту Гитлера – Сталина 1939 г. нарушали общее международное право того времени»²². Довольно странный вывод, если учесть, что подписать документ и произвести действия на основании этого документа суть разные вещи. Вы можете подписывать любые документы – это не наказуемо, а вот совершать действия – это и есть объект права, вообще любого, а не только международного. Исходя из этого тезис, что секретные протоколы нарушали общее международное право, неверен; когда фактически их стали осуществлять, это самое общее международное право было уже другим. Не замечать этого – явная и фальшивая уловка, рассчитанная на простофилю. И такая логика во всем, во всех постулатах прибалтийских публицистов.

Фактически состав действий СССР, описанный нами выше, не позволяет говорить об аннексии в формальном смысле, как, впрочем, и об оккупации. Войска СССР находились на территории Литвы, Латвии и Эстонии по взаимной договоренности, их цель – обеспечение безопасности СССР в условиях мировой войны²³. Высшая цель, *suprema lex* – это безопасность; если слабое государство не может ее обеспечить само, оно обращается к помощи сильного.

Аннексия предполагает действия по насильственному присоединению территории (государства). Основание аннексии в этом случае, ее правовая сауса – желание территориального расширения, жажда пространства, в конечном счете – увеличение сферы территориального действия своей власти. Безусловно, такого рода действия трудно признать законными с точки зрения международного права. Однако

---

²² Там же. С. 117.

²³ Удивительна в этой связи логика гг. Черниченко и Чигарева, которые дописались до такого высказывания: «...присутствие советских войск при проведении выборов [имеются в виду выборы лета 1940 г. – В. Ч.] и позднее было важнейшим внешним фактором, препятствовавшим действительно свободному волеизъявлению народов Латвии, Литвы и Эстонии. Это дает основание рассматривать их вхождение в состав СССР как осуществившееся в результате военной угрозы, внешнего давления, т.е. насильственным путем. Юридическое оформление такого вхождения можно рассматривать как акт аннексии...». Черниченко С.В., Чигарев В.Н. Указ. соч. С. 16. Хочется спросить этих господ: а что, присутствие оккупационного корпуса армии США, например, в Германии как-то влияло на волеизъявление германских граждан на выборах? А российских войск в современной Грузии? Не приводя ни одного факта вмешательства советских войск в выборы, вообще во внутреннюю ситуацию в этих лимитрофах, Черниченко с Чигаревым безапелляционно изрекают «истину», ценность которой весьма сомнительна, а вред очевиден. Объективизм этой цитаты вполне аналогичен известной поговорке: заставь дурака...

и в этом случае само международное право знает ограничение собственной непреклонности в форме необходимости и в форме эффективности. Последнее предполагает, что аннексия может быть легитимизирована в случае эффективного ее осуществления по аналогии с эффективной оккупацией. Даже если предположить на минуту, что Советский Союз аннексировал территорию трех Прибалтийских государств, то подобного рода аннексия имела основанием международно-правовое положение типа *usucapio* – давностное владение, сопряженное с эффективными мерами по осуществлению власти над территорией, над населением, над правопорядком, превратившими лимитрофов в «Балтийские эсээрии», по выражению той же Марек. «В этих обстоятельствах, – говорит она²⁴, – как кажется, приоритет может быть отдан случаям *prima facie* в отношении факта исчезновения Балтийских государств. Утеря ими собственной территории тотальна. Их собственный правопорядок более не эффективен. Их страны были оккупированы не в результате военных действий, и поэтому на них не распространяется режим военной оккупации. Ни одна из трех классических норм международного права не гарантирует им континуитет». Наконец, стоит помнить, что требования В.М. Молотова, выраженные в его нотах от 17 июля 1940 г. правительствам названных государств обосновывались тем, что существовавшие режимы *не в состоянии* выполнить взятые на себя обязательства. СССР *не доверял* этим режимам и потребовал их замены. В условиях войны это мера самопомощи, не более.

Тезис об оккупации служит дополнительным аргументом в доказывании насилия, учиненного над Балтийскими государствами. Однако, если мы посмотрим на определение оккупации и на то, что было на самом деле, то несостоятельность позиции прибалтов станет очевидной и здесь. Оккупация – «это вторжение плюс захват власти над страной противника с целью удержания ее, во всяком случае временно. Различие между оккупацией и вторжением особенно очевидно в силу того, что оккупант учреждает некоторого рода администрацию (*some kind of administration*), тогда как истинный захватчик этого не делает»²⁵. Однако, если мы посмотрим на действительное положение дел,

---

²⁴ Marek K. Op. cit. P. 398.

²⁵ McNaire A.D. Legal effects of war. Cambridge, 1944. P. 320. Кроме того, оккупация не затрагивает суверенитет, оккупант осуществляет только военную власть над территорией, пока она не цедирована ему в соответствии с международным обязательством. Ibidem.

то увидим, что вхождение Прибалтийских республик в СССР не подпадает под данное классическое определение. Процедура вхождения соответствовала принятому на тот момент законодательству Союза ССР и формально выраженному желанию народов трех республик. Никто и никогда не привел факты прямого вооруженного давления советских войск на избирателей. Танки на улицах не стояли, репрессии не осуществлялись. Все это было потом, после присоединения. Кроме того, трудно назвать оккупацией размещение гарнизонов советских войск в нескольких пунктах, а не по всей стране.

Наконец, стоит указать, что суверенитет прибалтийских лимитрофов на тот момент не имел международно-правовых гарантий, а внутренняя его составляющая – *vox populi suprema est* – однозначно высказалась за передачу его СССР. Суверенитет прибалтов в межвоенный период, основа их государственности покоились на системе Версальских договоренностей. Главный элемент этой системы – Франция – прекратил свое существование, прекратила свое существование и система. Образовавшийся вакуум силы заполнили другие державы.

Последний аргумент, к которому прибегают прибалтийские режимы в своей попытке установить идентичность прежним государствам, – это ссылка на непризнание инкорпорации Прибалтийских государств со стороны мирового сообщества. Особенно мила их сердцу так называемая «доктрина Стимсона» – политика непризнания США неудобных для них фактов. Но сначала проанализируем правовую природу института признания (непризнания) в международном праве.

В науке на сегодняшний день существуют, в общем-то, две взаимоисключающие друг друга теории признания. Первая – конститутивная, утверждающая юридическую силу за актом признания. Вторая – декларативная, базирующаяся на резолюции 40-й сессии Института международного права: «Признание имеет декларативное значение. Существование нового государства со всеми юридическими последствиями, которое влечет за собой это существование, не затрагивается отказом в признании со стороны одного или нескольких государств»²⁶. Конститутивная теория по времени своего возникновения – первая из эпохи так называемого «европейского концерта», когда изменение хоть одного лица изменяло всю конфигурацию, расстановку сил в Европе, на что, естественно, требовалось признание. Опреде-

---

²⁶ Фельдман Д.И. Современные теории международно-правового признания. Казань, 1963. С. 6, 18.

ленной разновидностью этой теории можно считать точку зрения Херша Лаутерпахта – весьма авторитетного британского юриста-международника. Он утверждал, что признание юридически обязательно в случае, если факт, который предлагается к признанию, создан согласно международному праву²⁷. Однако данная теория является исключением, как нежизнеспособна сегодня и конститутивная теория. Сейчас приоритет большинство ученых отдают декларативной теории²⁸.

Вообще же, как справедливо отмечал тот же Д.И. Фельдман, юридическая сила признания сегодня практически трактуется как свобода непризнания. Одной из наиболее ярких подобных доктрин является уже поминавшаяся нами доктрина Стимсона – госсекретаря С-АСШ, заявившего в 1932 г. о непризнании оккупации Японией Маньчжурии, поскольку эта оккупация противоречила интересам гражданам С-АСШ и самим С-АСШ²⁹. Суть этой доктрины сводится к попытке установления определенных юридических обязательств по отношению к непризнаваемому факту в смене юридической личности государства.

Так, такое государство обязуется рассматривать как существующее, сохраняются дипломатические и консульские представительства этого государства, за ними продолжают признавать дипломатические привилегии, суды и другие органы власти непризнающего государства обязаны предпринимать действия, т.е. творить юридические факты, как если бы это государство продолжало существовать. В частности, не признаются имущественные претензии государства, совершившего непризнаваемый факт, и мн. др. Конечно, юридическая сердцевина этой доктрины – обязанность для органов государства предпринимать определенный тип поведения³⁰. Но все же основная сила непризнания,

---

²⁷ Lauterpacht H. Recognition in international law. Cambridge, 1948. P. 24. В противном случае признание вообще не нужно, его место занимает непризнание, которое обязательно в силу того, что факт создан в нарушение норм международного права. Ibidem. P. 41 l. Основной упор, таким образом, сделан на универсальный принцип права: *ex iniuria non oritur ius*.

²⁸ Фельдман Д.И. Современные теории международно-правового признания. С. 27 и сл.; Фельдман Д.И. Признание государств в современном международном праве. Казань, 1965. С. 39 и сл.

²⁹ См. наиболее полное описание истории формирования доктрины: Langer R. Seizure of territory. The Stimson doctrine and related principles. Princeton, 1947.

³⁰ См. специальное исследование по теме: Vitas R.A. The United States and Lithuania. The Stimson doctrine of nonrecognition. NY, 1990. P. 17. В самой Прибалтике уже договорились о новой теории континуитета вообще. Оказывается, помимо обычного его понимания есть и такое, в основе которого лежит признание: «международное соглашение или

как совершенно правильно указывает Р. Витас, – в выражении морального осуждения. На этом и остановимся. На самом деле более крепкого оружия в арсенале этой и ей подобным доктринам нет и не было.

Американский юрист-международник Дж. Кунц в последнем случае выражается еще более прямо. Он уверен, что доктрина непризнания вообще неприменима к случаям аннексии. «Вообще, эта доктрина не является, как иногда думают, санкцией. Она – всего лишь политическое заявление, нуждающееся в санкциях. Если же ничего не делается, чтобы изменить ситуацию, незаконный акт продолжит свое существование (*will stand*). Но если же что-то предпринято удачно, это может при благоприятных обстоятельствах восстановить *status quo*. Возникнет ситуация фиктивности, как будто незаконный акт не имел места, но и эта фикция не способна полностью уничтожить последствия такого акта по аналогии с внутренним правом, которое может наказать убийцу, но не воскресить убитого им человека»³¹. Суть понятна: коль аннексия есть акт агрессии, то только новая война способна восстановить *status quo ante*. Несколько радикально, но по сути верно.

Более юридизированной, как кажется, является позиция Климентины Марек, тоже отрицающей силу за доктриной непризнания. «Не международное признание должно быть положено в основу континуитета Балтийских государств. Этот континуитет не может быть выведен из произвольного действия со стороны международного сообщества. Наоборот, он основывается на базовом принципе всего права, согласно которому любой неправомерный акт должен быть исключен из числа правотворяющих фактов. Поэтому, подчеркнем еще раз, основание континуитета этих государств должно быть найдено в принципе *ex iniuria non oritur ius*, который при невозможности применения к данному делу остальных принципов составляет правовую основу континуитета Балтийских государств...»³². Кстати, на принцип *ex iniuria non oritur ius* ссылаются и приверженцы доктрины непризнания. Вспомним Лаутерпахта – существует обязанность непризнания факта, совершенного в нарушение права.

Но на этот принцип есть контр-принцип: *ex factis oritur ius*. Надо от-

---

другой консенсуальный акт». Ziemele I. The role of state continuity and human rights in matters of nationality of the Baltic states // The Baltic states at historical crossroads. Riga, 1998. P. 249.

³¹ Kunz J.L. Op. cit. P. 292-293.

³² Marek K. Op. cit. P. 414.

дать должное К. Марек, она вспоминает о его существовании и пытается оспорить. Аргументы ее, однако, довольно странные – производится битва цитат, идут бесконечные ссылки на всевозможные авторитеты, которые говорили что-то, но, как оказывается, совершенно по другим поводам. Наконец, она выдает то, чего более всего боится: она указывает критерии, легитимирующие неправовой факт. «Поэтому должно быть спрошено, а насколько Советская аннексия в действительности соответствовала критерию «окончательности оккупации», и что означает критерий «разумного временного срока» в отношении этой самой оккупации?»³³ Вот, оказывается, в чем дело! Оказывается, юридическая сила аннексии вполне возможна. Условиями ее являются окончательность (эффективность) и достаточно долгий срок ее осуществления.

Подытоживая, скажем: ни о каком континуитете в случае с Прибалтийскими государствами говорить не приходится. Многие страны не признали факт инкорпорации прибалтов *de iure*, но на практике вели политику, свидетельствующую о признании *de facto*. Например, Франция, закрывая по требованию СССР представительства этих государств³⁴. То же сделала и Швейцария. Дания, получив в начале 60-х годов удовлетворение своим требованиям за национализированные предприятия, фактически признала советский статус Прибалтийских республик. Значительная часть золота государственных банков этих стран была возвращена СССР Великобританией в 1968 г. Швеция, Нидерланды, Испания вообще признали *de iure* факт такой инкорпорации. При «восстановлении» собственной государственности прибалтам пришлось формально повторить процедуру принятия их в члены тех международных организаций, членами которых они являлись до 1940 г.³⁵

Тем не менее в случае с Балтийскими странами мы имеем исключительно парадоксальный тип аннексии. Этот тип во многом обуслов-

---

³³ Ibidem. P. 415.

³⁴ Характерно, что после восстановления своего континуитета Литва так и не добилась от Франции возвращения ей здания своей прежней миссии! Smaliukas A., Goldammer Y. The Restrictive Theory of State Immunity in Lithuania: Reality or Illusion // *Baltic Yearbook of International Law*. Vol. 5, 2005. Leiden, 2005. P. 136-137.

³⁵ В любом случае практика признания или непризнания не является решающей, что признается и сегодня наиболее здравомыслящими юристами, говорящими, что Прибалтийские республики «seems to restore their status». Bühler K. State succession and membership in international organizations. P. 177-179.

лен внутренней структурой Советского Союза, основа которого заключалась в наделении наций и народов, входящих в него, собственной государственностью, даже если таковой у них не было вообще никогда. Мы согласны даже различать два термина: собственно государственность и собственно государство. Государственность в отличие от государства представляет собой государственноподобную структуру, лишенную, впрочем, главного ее атрибута – суверенитета. Тем не менее вполне возможно говорить о совпадении государственности как определенного типа организационного единства с юридической личностью государства. Государственность в данном случае расценивается как организационное ядро, могущее послужить основой создания государства.

В этой связи мы получаем парадоксальный результат. Вся, абсолютно вся риторика прибалтийских публицистов имела бы смысл только и только тогда, если бы они не стали отрицать полувековой период собственной истории.

«Балтийские эсэсэрии», как назвала их К. Марек, вполне подходят на роль продолжателей своих предшественников. Даже с точки зрения формальной логики требуется заполнение лакуны в 50 лет – *non datur vacuum formatum* – невозможно игнорировать организационные формы Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР, всю государственную эффективность которых на самом деле показала перестройка. Как иначе объяснить, что борьба за «восстановление идентичности» в этих субъектах велась по советскому законодательству о выборах, выборы проводились от всего населения республик, включая и «оккупационные» войска Советской Армии? Как юридически доказательно объяснить, что органом «восстановления идентичности» служили столь охаиваемые Советы народных депутатов во главе с Верховными Советами республик? Именно с учетом этих требований вполне доказуемы континуитет и идентичность Прибалтийских государств. Однако это не было сделано сознательно. Почему? Ответ прост. Необходимо расстаться еще с одним мифом о прибалтийских народах как о якобы безмерных страдальцах, несчастных в своей малости, но тем не менее цивилизованных, культурных, национально терпимых, почти европейцах по сравнению с дикарями на Востоке. Необходимо расстаться с мифом о присущей этим народам демократичности и терпимости. Все из всего перечисленного присуще этим народам в равной с остальными мере.

Современные государства Прибалтики представляют собой этнократические режимы, отличающиеся этнической нетерпимостью и поставившие во главу угла задачу по созданию у себя этнически стерильных государств.

So-called State Identity of the Modern Baltic States (Summary)

Chernoletsky V.B.*

In his article the author has touched upon a very delicate and important problem of the foreign policy of Russia. The Baltic republics, as it is well known, refused to succeed to the former USSR by claiming the illegal status of the soviet occupation and subsequent incorporation by the USSR in the summer of 1940.

Under the process of restoration of their statehood in 1991 the Baltic countries insisted that their modern status as new states is identical with their former constitutions, which had been in force before the World War II. As it is known this position was practically adopted by most western countries except Russia. For this reason the author makes an attempt to analyze in the light of modern international law doctrine the Russian Federation's position concerning recognition of the state continuity and identity of the modern Baltic States.

The author has came to a conclusion that the state identity of the Baltic states cannot be estimated as full effective and appropriate in the light of international law. The consequent conclusion made by the author concerns the legal foundation of the Baltic countries' arguments in respect of their statehood and independence. The author expresses opinion that there is still no legitimate basis for these notions.

---

* Chernoletsky Vladimir Borisovich – deputy director of the Department on planning of academic work at the MGIMO-University MFA Russia.